

DOI: 10.22363/2313-2299-2025-16-3-962-976

EDN: CAJQSE

УДК 811.161.1:398.3

Научная статья / Research article

Философская основа фольклорного текста и его современных киноадаптаций

С.М. Конурбаев

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация

Институт современного искусства, Москва, Российская Федерация
✉ salavat@konurbaev.ru

Аннотация. Фольклорный текст, являясь продуктом народного сознания, переживает существенные трансформации, обусловленные социально-историческими факторами развития общества и связанными с ними когнитивными изменениями внутри культуры. Трансформация фольклорного текста осуществляется в направлении от передачи сакрального знания и онтологического объяснения бытия к развлечению. Механизмы этой трансформации рассматриваются через основные философские составляющие фольклорного текста — онтологическую, аксиологическую, эпистемологическую иteleологическую, включенные в различные социокультурные контексты. Новый междисциплинарный подход позволяет проследить историческое развитие народных текстов от древних мифов до современных адаптаций, а также обозначить когнитивные сдвиги, связанные с изменениями в философской парадигме. Трансформация философской парадигмы фольклорного текста показана на примере таких известных сюжетов, как «Золушка» и «Беовульф».

Ключевые слова: трансформация, когнитивный сдвиг, ценности, сакральная функция, функция развлечения

Заявление о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: дата поступления: 29.05.2025; дата приема в печать: 15.08.2025.

Для цитирования: Конурбаев С.М. Философская основа фольклорного текста и его современных // Вестник Российской университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2025. Т. 16. № 3. С. 962–976. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2025-16-3-962-976>

Philosophical Basis of Folklore Text and Its Screen Adaptations

Salavat M. Konurbaev

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Institute of Modern Art, Moscow, Russian Federation

✉ salavat@konurbaev.ru

Abstract. Folklore texts, being products of folk consciousness, undergo significant transformations, conditioned by socio-historical factors of community development and related cognitive changes within the culture. The transformation of folklore texts is carried out in the direction from the transmission of sacred knowledge and ontological explanation of existence to entertainment. The mechanisms of this transformation are examined through the main philosophical components of the folklore text — ontological, axiological, epistemological and teleological, placed in different socio-cultural contexts. The new interdisciplinary approach allows us to trace the historical development of folklore texts from ancient myths to modern adaptations, as well as to outline the cognitive shifts associated with changes in the philosophical paradigm. The transformation of the philosophical paradigm of the folklore text is illustrated by the example of such famous stories as “Cinderella” and “Beowulf”.

Keywords: transformation, cognitive shift, values, secular function, entertainment function

Conflicts of interest: the author declares no conflict of interest.

Article history: received: 29.05.2025; accepted: 15.08.2025.

For citation: Konurbaev, S.M., (2025). Philosophical Basis of Folklore Text and Its Screen Adaptations. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 16(3), 962–976. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2025-16-3-962-976>

Введение

На протяжении долгого времени изучение фольклорного текста основывалось на анализе лингвистических, культурологических и антропологических аспектов. Исследователи рассматривали народные тексты через призму устной традиции, структурного анализа и семиотики. Многие отечественные специалисты (А.Н. Веселовский, М.М. Бахтин, В.Я. Пропп, Е.М. Мелетинский, Ю.М. Лотман, О.М. Фрейденберг, Д.С. Лихачев, В.П. Аникин и др.) трудились над развитием теории фольклора, предлагая и развивая инновационные идеи. А.Н. Веселовский, основатель исторической поэтики, рассматривал фольклор как продукт коллективного творчества, развивающегося под влиянием социально-исторических условий, и продвигал теорию «бродячих сюжетов», а также синкетизма слова и ритуала фольклорного текста [1]. М.М. Бахтин также подчеркивал, что бытие народного текста определяется культурным контекстом, и выдвинул понятие карнавальной культуры, связав фольклор с народной смеховой традицией [2].

В.Я. Пропп заложил основы структурного подхода к изучению народных произведений, предложив рассматривать волшебную сказку через

универсальные структурные элементы и функции действующих лиц [3–5]; им была предложена классификация народных текстов, выявлены общие структуры и закономерности развития сюжетов. Идеи В.Я. Проппа были модернизированы в работах Е.М. Мелетинского [6–8]; им предложен структурно-типологический метод, в рамках которого ученый сместил основной фокус на роль мифа и расширил систему анализа.

Ю.М. Лотманом разработан семиотический подход, согласно которому фольклор рассмотрен как часть семиосферы, универсального культурного пространства, необходимого для существования и функционирования знаков [9; 10]. Согласно данной концепции, культурное самоопределение, основу которого составляет фольклорное наследие, влияет на современное мироощущение. Несмотря на столетия, разделяющие человека XXI в. и его древних предков, цивилизация Новейшего времени все еще может познать архаичный код мудрости, заложенный в памятниках народного творчества. Изучая природу старинного текста, специалисты настаивают на том, что жизнь фольклорных форм искусства обусловлена способностью к адаптации. Ю.М. Лотман подчеркивает значимость контекста в определении онтологических особенностей народных произведений. Так, в зависимости от конкретной социально-исторической обстановки сказка может принимать роль мифа, нравоучения или же развлекательного текста. Филолог указывает на особенности актуализации народного кода, который перерождается под влиянием меняющихся культурных установок общества.

Позицию Ю.М. Лотмана о фольклорной модификации разделяла О.М. Фрейденберг, в работах которой представлен особый культурологический подход к анализу народного текста, в основе которого лежит представление о том, что миф есть форма мышления [11; 12]. Фольклорное наследие рассматривается как интеллектуальный фундамент, играющий важную роль в концептуализации мира; народное произведение есть ритуально-знаковая система, способствующая передаче знаний о мире и их интерпретации.

Постижение фольклорного текста соотносимо с проведением обряда, сущность которого заключается в стремлении получить и передать мудрость предков. В.П. Аникин, представивший систему работы с фольклорным творчеством, обращает внимание на роль социального компонента при анализе старинного текста [13; 14] и демонстрирует, что архетипы и формулы народного памятника определяют его уникальные содержательные и ценностные компоненты. Согласно Д.С. Лихачеву культурный код фольклорного произведения не только отражает особенности народной памяти, но и определяет специфику отношения к тем или иным событиям [15].

Несмотря на многообразие работ и количество фундаментальных исследований в отечественной фольклористике, в современной науке не представлена концепция, которая объединила бы филологический анализ и философскую рефлексию. Цель данной статьи — описание разработанного

в процессе наших исследований междисциплинарного подхода, позволяющего понять сущность фольклорного произведения, а также изложить основы его исторической динамики. Расширяя рамки традиционного лингвистического анализа, мы подходим к фольклорному тексту как к сложному феномену, анализ которого не может сводиться к изучению одной из его граней — языковому материалу. Иными словами, анализ функционального стиля, лингвостилистических, а также лингвопоэтических свойств представляет собой неотъемлемую часть филологического исследования, которая, однако же, является недостаточной для постижения онтологической глубины фольклорного материала.

Чтобы приблизиться к пониманию онтологии фольклорного произведения, обратимся к теории М. Хайдеггера, назвавшего текст «домом бытия» [16]. С точки зрения данного философского подхода, жизнь произведения представляет собой динамичную картину, живой процесс эстетической трансформации, обусловленный взаимодействием с воображением человека. Текст представлен как сложно организованное пространство, в котором обретающее форму бытие трансформируется и пересоздается, отражая работы мышления.

В данной статье рассматривается, как философские основы характеризуют бытие фольклорного текста. Анализ изменений в данной философской парадигме позволяет проследить фольклорный путь от древних мифов, приближающих древнего человека к сакральному знанию, до современных экрализаций традиционных фольклорных сюжетов, выполняющих развлекательную функцию. Изучение философских основ помогает увидеть когнитивный сдвиг, сопутствующий развитию фольклорных сюжетов и их адаптации к определенному времени и культуре.

Трансформация фольклорного текста

Неверно утверждать, что фольклор остался в далеком прошлом. Современное искусство тяготеет к интерпретации когда-то сакральных сюжетов. Перерабатывая древние легенды, предания и сказки, писатели и режиссеры черпают свои идеи именно из фольклора. Он всегда был динамичной системой познания, формирующейся под влиянием мировоззрения тех, кто его создает, передает и переосмысливает: «Для фольклористики существенно отнюдь не внефольклорное происхождение и бытие источников, а функция заимствования, отбор и трансформация заимствованного материала» [17]. Отсюда следует, что народное творчество, которое можно представить как живое языковое отражение когнитивной системы цивилизации, отнюдь не является статичным пережитком прошлого. Для того, чтобы понять, как развивается фольклор, и определить его место в современном искусстве, необходимо обратиться к философским основам, характеризующим бытие текста в определенной культуре.

Жизнь фольклорного текста, будучи квинтэссенцией народного сознания, опирается на четыре философских столпа: телеологию, аксиологию, эпистемологию и онтологию. Анализируя исторический путь народного творчества с опорой на данную парадигму, исследователь может определить, как та или иная цивилизация воспринимает реальность, обозначает ключевые ценности, накапливает знания и формирует цели. Важно обратить внимание на следующий факт: фольклор, бытие которого нельзя свести к статичному собранию текстов народного творчества, — не просто абстрактное отражение представленных философских категорий, но динамично трансформирующийся феномен. Движение фольклорной традиции определяется когнитивными сдвигами внутри культуры, которые соответствуют переходу от передачи сакрального знания и объяснения бытия к развлечению: «„Отчуждение“ от традиции превращает современный фольклор в процедуру, строго говоря, более или менее произвольного коллажирования, монтажа образов, стереотипов, формул, пришедших из различных письменных, устных, визуальных источников информации» [18].

Фольклорное произведение можно помыслить как некую точку на шкале мистификации и рационализации. Жизнь народного текста обусловлена общественными представлениями о знании и способах его получения. В сказках герои могут сталкиваться с испытаниями, требующими магического откровения или эмпирического познания. Так, восприятие мира, представленное в народном произведении, указывает на положение текста по отношению к противоположным точкам шкалы — мистического и рационального способов познания. С течением времени происходит когнитивная трансформация в сторону рационализации — восприятие мистики более не требует умственных и эмоциональных усилий, волшебство представляет собой декорацию, которая служит фоном для драматического повествования. Современный скептически настроенный читатель или зритель воспринимает волшебство в качестве украшения или вспомогательного элемента. «Общий исторический прогресс человеческого знания сказался на характере преданий» [19. С. 272] — мистика перестает быть связующим звеном между сакральным знанием и человеком — адаптации фольклорных текстов становятся неоднозначными, развивая дискуссию и полемику. Современный реципиент перестает доверять авторитету и мудрости предков, предпочитая полемизировать и приходить к собственным выводам: «Мы утратили наше непосредственное чувство великих реальностей духа — а именно к этому миру принадлежит вся подлинная мифология» [20. С. 11].

Для того чтобы проследить трансформацию фольклорного текста, обратимся к старинному сюжету о Джеке и бобовом стебле и проведем лингвистический анализ — сравним сказку, представленную Дж. Джейкобсом, знаменитым английским фольклористом, с ее современными интерпретациями — мультфильмом «Fun and Fancy Free» (Disney, 1947) и киноадаптацией

«Jack the Giant Slayer» (2013). Историческая динамика фольклорного произведения показывает, как символическое «вертикальное восхождение» перерастает в развлекательное приключение.

В пересказе Дж. Джейкобса, который стремился сохранить аутентичность народной истории, прослеживаются древние фольклорные формулы, когнитивный код, направленный на передачу сакрального знания. Так, в тексте присутствуют повторы (*he climbed, and he climbed, and he climbed*); *«thump! thump! thump!»*, создающие особый ритм, необходимый для запоминания сказки наизусть, а также работающие на эстетику устного изложения. Ритмическая организация текста являлась неотъемлемой частью древнего творчества — повторяющиеся элементы были направлены на создание нарастающего напряжения или же, наоборот, успокаивали. Ритуально-магическое действие повторов усиливало эмоциональное воздействие, необходимое для восприятия священного знания. В сказке Дж. Джейкобса присутствуют рифмы (*Fee-fi-fo-fum, I smell the blood of an Englishman; Be he alive, or be he dead, I'll have his bones to grind my bread!*), что также указывает на связь с древним магическим ритуалом, заклинанием, звуковая магия рифмы и ритма в которых, как полагалось, обеспечивала связь с трансцендентным, — поэтому формульная точность, транслирующая некий обряд, играла важную роль в формировании стариинного текста.

Для сказки Дж. Джейкобса метафора восхождения к небу является ключевой (*beans... grew right up to the sky*). Волшебные бобы связывают земной мир с небесным. Восхождение Джека транслирует мифологический мотив «мирового древа» или «лестницы в небо», характерный для многих культур. Путешествие по стеблю соотносится с переходом в сакральное пространство, где герой сталкивается с чудесами и испытаниями. Наличие слов с мрачной семантикой, повторы, сигнализирующие о нарастающем напряжении, значимость метафоры восхождения (*reaching the sky*) задают серьезный тон прочтения, что указывает на пафос постижения сакрального знания.

Серьезность сказки Дж. Джейкобса противопоставлена комичности и простоте мультфильма «Fun and Fancy Free», в котором забавное путешествие-игра заменяет символику сакрального восхождения. Музыкальные вставки с незатейливыми и жизнерадостными фразами (*I'm a happy-go-lucky fellow, so hey, what do I care?*) вытесняют напряжение — мультфильм создан с целью развлечь ребенка, а не передать древнюю истину. Волшебный мир становится красивой декорацией, способной привлечь внимание юного зрителя. Магия утрачивает свой мистический ореол, утрачивая при этом связь с высшими силами — и чудо воспринимается как часть веселого приключения, о чем свидетельствует восторженное восклицание героя: *Look, Mickey! The beanstalk is growing!*. Момент покупки бобов представлен как забавная оплошность, ироничная фраза матери Джека делает текст более смешным: *Oh, you're a clever one, aren't you? Trading a cow for beans!*. Для того чтобы не напугать

целевую аудиторию, сценаристы смягчают угрозы великана юмористическим тоном и добавляют комичный элемент *cookies*: *Fee-fi-fo-fum! I smell... cookies? Oh, it's just you, tiny human!*.

В отличие от изложения сказки Джейкобса текст мультфильма характеризуется лексической и синтаксической простотой, а также юмористическим тоном. Смыслообразующую метафору восхождения заменяют визуальные изображения, которые делают мультфильм привлекательным для ребенка. Мистическое *reach the sky* заменяется на *Up, up, up he goes! Look at that beanstalk grow!*. Интерпретация фольклорного сюжета представлена в форме диалогов и реплик, сопровождающих увлекательное путешествие-игру. Мультфильм избавляется от мрачного тона и ритуальной символики, трансформируя первоначальный смысл, а исконное *and they lived happy ever after* заменяется на *and they all danced at the beanstalk party!*, что демонстрирует акцент на конкретном и сиюминутном, но не на вечном.

Фильм Б. Сингера экстраполирует переложение древнего сюжета на современность, что находит отражение как в языке, так и в интерпретации конфликта с добавлением любовной интриги и политического контекста. Мифологическая серьезность, присущая сказке Дж. Джейкобса, разрушается ироничными высказываниями и сарказмом: *Giants? Seriously? Next, you'll tell me elves are real!*; а магическое таинство и ритуал сменяются рационализацией и экшен-сценами. Бобы более не описываются как волшебные, на смену этому приходит логическое объяснение: *These beans are remnants of an ancient war between humans and giants*. Фольклорная абстракция уступает место конкретике, научно-историческому контексту. Рационализация мифа обусловлена техническими описаниями и метафорами с акцентом на функциональность: *The beanstalk is a bridge between worlds. We must destroy it before they reach the surface!*

Разрушение сакрального пафоса древнего текста связано с введением терминов (*species*), стирающих грань между мифом и наукой, а также заменой абсолютного на примитивную мотивацию (*hungry*): *The giants are not just stories. They're a species, and they're hungry*. Магические формулы и обряды уступают место коротким отрывочным фразам, соответствующим динамике боя: *Move! Now!*. Ироничные реплики героев направлены на разрушение сказочных клише, на противопоставление волшебного мира и рационализированной реальности: *You thought giants were just fairy tales? Welcome to the real world*. Фильм отражает скептически настроенное современное общество, которому не свойственно верить в чудо. Классическое *ever after* отступает, ему на смену приходит мрачный прагматизм — четко выраженный счастливый конец отсутствует: *The world will never know what happened here. Some secrets are better left buried*.

С помощью лингвистического анализа можно проследить, как трансформация фольклорного сюжета влияет на языковые изменения в тексте. Работа

с языковым компонентом позволяет увидеть адаптацию исконного текста к социальному-культурному контексту: выбор средств художественной выразительности соотносится с когнитивным сдвигом, который, в свою очередь, определяет жизнь народного произведения. Данное исследование продемонстрировало, как сакральное восхождение преобразуется в интересное приключение, созданное с целью развлечь современного зрителя.

Бытие фольклорного текста

Любой текст создается с определенной коммуникативной целью, которая является его первичной установкой. Она может быть широкой (например, убедить, обучить, информировать, развлечь) или специализированной (развить стратегическое мышление, вызвать эмоции, передать культурные традиции). Так, *телеология* отвечает на вопрос: для чего создается текст? Сравнивая классический фольклор с его современными адаптациями, между ними можно провести четкую телеологическую грань. В древности устное народное творчество сосредотачивалось на сохранении сакрального баланса, традиций и передаче священного смысла, что отличается от основных задач киноадаптаций, которые направлены на игру с эмоциями, создание зрелищности и достижение коммерческого успеха. Изучая развитие народных сюжетов с опорой на телеологический компонент, можно увидеть сдвиг от божественного космического замысла к экзистенциальному, случайному. Изначально героические поиски фольклорных персонажей обусловлены судьбой, в текст заложен сакральный смысл, однако в современных историях, созданных с опорой на фольклорные мотивы, прослеживается акцент на случайность, силу личного выбора, что связано с отсутствием высшего предназначения. Иными словами, подобные «личные странствия» или «жизненные легенды» лишены космического смысла, являющегося неотъемлемой частью древнего фольклорного текста.

Для реализации цели текста необходима опора на определенные ценности. Например, образовательный текст должен нести точность и ясность, развлекательный — эстетическое удовольствие, а убеждающий — обоснованность и доказательность. *Аксиология* отвечает на вопрос: какие ценности заложены в тексте? Система ценностей литературного произведений может быть ориентирована на истину, красоту, справедливость и т.д. Анализируя ценностную динамику народного творчества, можно выявить сдвиг от универсального морализма к релятивизму. Старинные сказки транслировали противостояние абсолютного добра и абсолютного зла, поэтому результат выбора между «черным» и «белым» соответствовал наказанию или же, наоборот, награде. С течением времени мораль перестала быть столь четкой, а дидактический тон произведений — столь непреклонным. Современные сказки выстроены вокруг личных дилемм, проблематика

историй характеризуется движением в сторону экзистенциальных переживаний и ситуативной этики, вследствие чего сказки превращаются в «темные фэнтези» или морально неоднозначные легенды. Если ценностные установки сакрального фольклорного текста воспевают коллективное благо и мудрость через испытания, то современные киноадаптации провозглашают драматическую кульминацию, личный успех и линейную схему *кризис — победа*, которая противостоит исконной цикличности судьбы.

Произведения транслируют ценности через определенные структуры передачи знания: «Определенные виды информации могут храниться и передаваться только с помощью специально организованных языков» [21. С. 17]. Например, материал учебного текста требует логического подхода, четкой схемы изложения мыслей, тогда как фантастическая история подразумевает активизацию мифологического мышления и работу воображения. Эпистемология отвечает на вопрос: какими средствами знания оперирует текст? В качестве системы передачи знаний может использоваться логика, интуиция, научные данные, миф и др. История адаптации фольклорных произведений связана с эпистемологическим сдвигом от общинного и традиционного знания в сторону скептического и эмпирического. Опыт, изложенный в древних текстах, напрямую связывался с авторитетом, однако современная трансформация фольклора более не отсылает реципиента к неоспоримой истине — все подвергается сомнению и интерпретации. Эпистемология древнего текста предписывает обретение сакрального смысла через ритуалы и символы, которые подразумевают коллективную передачу опыта, что отличается от законов киноадаптации, направленных на достижение развлекательного эффекта.

Если текст логично реализует все предыдущие уровни, он становится онтологически состоятельным. Бытие текста определяет структуру его восприятия. *Онтология* связана с вопросом о том, как текст существует в мире. Иными словами, данная философская категория направлена на изучение жизни произведения: предписывает ли оно строгие ритуальные формулы, предоставляет ли символы в качестве моста между земным и духовным мирами, определяет ли понимание времени как циклическое или линейное? В отличие от древнего фольклора, бытие киноадаптации характеризуется акцентом на визуальное восприятие и линейное развитие личностного конфликта.

Онтологическое изучение фольклорных сюжетов позволяет выявить сдвиг от идеализма к материализму. Изначально сказки связаны с божественным вмешательством, предопределенной судьбой и чудесными подвигами. С течением времени те же самые тексты адаптируются, претерпевая значительные изменения — происходит рационализация. Древние пророчества начинают толковать в соответствии с духом времени, а эпические подвиги героев обрастают историческими ассоциациями.

Историческое движение фольклорного текста

Фольклор не исчезает и не умирает, но адаптируется [22. Р. 8]. Важно понимать, что именно народное сознание отвечает за трансформацию фольклорного текста. Проследим историческое движение английского народного творчества, начиная с древних времен и заканчивая настоящим временем. Рассмотрим данную динамику на примере нескольких периодов. В доримской (кельтской) Британии (до I в. н.э.) процветали анимистические и племенные мифы. Люди наблюдали за природными явлениями, выделяя священные места, например, источники или рощи, и поклоняясь им. Древний человек считал, что важные события в его жизни происходят благодаря духам и божествам, что привело к созданию устных мифов, связанных с местными божествами и тотемами. Древнейший период, в который человек мыслит себя частью племени, характеризуется особой консервативностью и вниманием к авторитетам прошлого. Архаичное общество стремится познать мудрость предков через проведение обрядов и соблюдение традиций, к формулам прошлого относятся с особым трепетом [23. С. 40]. Сюжеты и структуры устного народного творчества обладают способностью к приспособлению — взаимодействия племен обуславливают адаптацию мифов.

Поэтика средневекового фольклора определена религиозными мотивами: божественное проведение, святость духовных образов, христианское смирение и покорность судьбе составляют эстетический каркас, на основе которого строятся произведения данного периода. Моральные аллегории живут в устных поэтических структурах, основывающихся на повторении и формульной точности. Несмотря на противостояние языческим порядкам, христианское сознание не отторгает кельтские образы, но адаптирует их — общество все еще верит в загадочных мифологических существ, но ассоциирует их с дьяволом и колдовством.

Постепенно эпистемологические функции фольклорного текста меняются, что отражается на эстетической структуре произведения. Народные памятники эпох Возрождения и Просвещения отличаются стилистическим разнообразием — синтаксические и лексические декоративные элементы, вводимые в письменный текст, разрушают устные формулы. Ритуальная функция и поэтическая строгость уступают место красоте изложения, а идеалы эпохи Просвещения провозглашают главенство рационалистического над магическим; мифология претерпевает значительные изменения.

Интерес к исконному фольклорному тексту возрождается в эпоху Романтизма: литераторы стилизуют свои произведения под старинные народные памятники, классифицируют древние тексты и адаптируют их. Труды Шарля Перро, братьев Гримм и Людвига Тика пронизаны духом времени — работая со сказками, эти авторы возрождают формулы устного творчества, используют аллитерацию, звукопись, повторы и стихотворные фрагменты, отсылающие к ритуальному прошлому. Аксиологические установки

писателей основываются на романтизации народного духа, изображении психологической глубины и преподнесении морального урока.

Новая эпоха в истории фольклора начинается с внедрением в творчество новых техник — кинематографических и анимационных. Технологическая революция, взаимодействие звука и изображения в поликодовом тексте провозглашают инновационные методы включения архетипов в современный контекст. Перед писателями и сценаристами XXI в. стоит особая задача — удивить скептически настроенного зрителя. Деятели искусства стремятся передать таинственную красоту старины, но адаптировать древние сюжеты и образы под современные взгляды и актуальные проблемы. Антураж магического мира должен быть привлекательным для публики, а конфликт — понятным. К примеру, в серии книг о Гарри Поттере Дж. Роулинг умело использует фольклорные архетипы, вплетая их в структуры современного мировоззрения: Хогвартс похож на школу-пансион, сложности, которые преодолевает Гарри Поттер, знакомы каждому подростку, а бюрократические структуры волшебного мира напоминают реальную жизнь [24. С. 24].

Онтологические сдвиги формируют бытие фольклорного текста в определенный исторический период. Для того, чтобы показать трансформацию народного памятника, обратимся к старинной сказке «Золушка» и посмотрим, какие телеологические, эпистемологические и аксиологические изменения отделяют древний сюжет от современных адаптаций. *Телеологический и аксиологический* аспекты средневековой сказки связаны с ролью морального урока: фольклорный текст отсылает к модели женского поведения, основанной на христианских добродетелях. Покорная Золушка, олицетворение абсолютного добра, терпеливо сносит удары судьбы. Сказка воспевает христианскую мораль — кроткая героиня смиленно «подставляет другую щеку», в ней нет злобы и алчности. Народное произведение дидактично — абсолютное зло повержено, а магические силы помогают Золушке обрести счастье.

Эпистемология средневековой сказки отражает древнее мировоззрение в архетипах и символах. Имя героини (с лат. — зола; с франц. — замарашка, девочка в пепле) несет в себе метафору возрождения путем страдания, а также ассоциируется с плодородием (поскольку зола использовалась в земледелии). Средневековое сознание отражает архаичное понимание мира, связанное с цикличностью: огонь гаснет и становится пеплом, знаменующим начало новой жизни. Народная сказка хранит следы анимистического понимания природы, патриархальных ценностей и особого отношения к роду, о чем свидетельствует сакральный образ древа, выросшего на могиле матери.

Современное искусство стремится удивить реципиента, создать зрелищные и атмосферные кинокартины, показать актуальные проблемы, а также отразить модные тренды. *Телеология* экранизаций, воспевающих индивидуализм и самореализацию, определена коммерческими мотивами. *Даниэлла*, версия Золушки в «Ever After» (1998), самостоятельна и образованна,

руководит своей судьбой и ведет дискуссии об искусстве. Для аксиологии современного творчества важна предприимчивость и уникальность героев. Сценаристы отходят от средневековых ценностей, делая акцент на индивидуальности образов. Сложности, через которые проходит Золушка, мыслятся как несправедливости судьбы. Так, в «Cinder» Мериссы Мейер (2014) девушка-киборг сражается за свободу и борется с общественной несправедливостью. Храбрая воительница готова отстаивать свои права, бунтуя против принятого порядка.

В киноадаптациях XX и XXI вв. дидактика более не занимает основополагающую позицию, деятели искусства отвергают дихотомический мир Средневековья, в котором абсолютное добро побеждает абсолютное зло. Современная киноиндустрия не стремится к однозначности. В отличие от оригинальной сказки мачеха в «Cinderella» (2015) не является воплощением отрицательных качеств, ее действия определены страхом нищеты. Эпистемология адаптаций отходит от древних символов, моральных аллегорий и ритуальных компонентов. Современный сюжет не нуждается в старинных формульных установках, на их место приходят визуальные метафоры, актуальный пейзаж и психологизм. Таким образом, онтологическое своеобразие адаптированных версий древнего сюжета отражает новый культурный код, отличный от своего сакрального прародителя.

Обратимся к поэме «Беовульф», классическому памятнику англосаксонского эпоса (VIII–X вв.), и проследим динамику изменения культурного кода. Онтологическая сущность древнего текста указывает на синкретичность христианства и язычества. Поэма воспевает героический идеал — подвиги Беовульфа обусловлены божественной помощью и стремлением действовать на благо общины. Язык фольклорного текста насыщен архаичными формулами, создающими торжественный ритм, который отсылает средневекового слушателя к сакральным обрядам и магическим заклинаниям.

Телеология «Беовульфа» связана со стремлением укрепить национальную идентичность англосаксонского народа и представить аксиологические установки — триумф абсолютного добра над воплощением хаоса, потомком Каина; подвиги, совершенные на благо общества; главенствующая роль судьбы. Эпистемологический компонент фольклорного текста заложен в традиционных германских метафорах и символах.

Онтология современной киноадаптации «Беовульф» Роберта Земекиса (2017) претерпевает значительные изменения. В отличие от исконного текста, экranизированная версия героического эпоса лишена сакрального пафоса. Ритуальная торжественность и средневековая однозначность уступают место иронии, простым диалогам и релятивизму. Визуальные эффекты, работа над графикой и внимание к физиологии изменяют онтологическую структуру современного «Беовульфа». Изображение героического идеала утрачивает сакральный смысл — эпистемология

киноадаптации отказывается от традиционных символов и способов передачи священного знания.

Специфика поликодового текста XXI в. обусловлена развлекательной функцией современного кинематографа (*телеологический аспект*). Англосаксонский миф распадается на части, утрачивая средневековое сакральное содержание. Если древнее сказание о храбром воине транслировало образец героической жизни, то современная история лишена дидактичности и однозначности. Иными словами, пропуская древний сюжет через призму современных культурных реалий, сценаристы десакрализуют классический текст, который, в свою очередь, обретает новые смыслы. *Аксиологические изменения* связаны с модифицированным образом главного героя. Беовульф утрачивает статус абсолютного героя, его фигура становится более индивидуализированной и интересной. Для кинематографистов важен психологизм и сюжетные повороты, а не доблесть идеализированного персонажа.

Заключение

Работа с телеологическим, эпистемологическим, аксиологическим и онтологическим аспектами фольклорного текста позволяет выйти на новый уровень анализа, а также обозначить, как концептуальные и культурные особенности мировоззрения определяют существование мифологемы в определенный литературный период. Перевоплощение классических фольклорных памятников в современные киноадаптации является сложным процессом, требующим расширения фокуса филологического анализа и внедрения нового междисциплинарного подхода. Развитие традиционных фольклорных сюжетов от древнего мифа к современным кино- и мультипликационным адаптациям представляет собой взаимодействие разных исторических и культурных контекстов, в котором фольклорный сюжет одновременно и сохраняется, и претерпевает существенные изменения, приспосабливаясь к новым когнитивным инструментам познания. Таким образом, ориентация на представленную нами философскую парадигму позволяет взглянуть на адаптации древних фольклорных произведений как на постоянно трансформирующиеся культурные феномены, которые являются результатом когнитивной работы и коллективного мироощущения.

Список литературы

1. Веселовский А.Н. Историческая поэтика. Л. : Художественная литература, 1940.
2. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М. : Художественная литература, 1965. EDN: VQMUOV
3. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. Л. : Изд-во ЛГУ, 1946.
4. Пропп В.Я. Морфология сказки. Л. : Academia, 1928.
5. Пропп В.Я. Русский героический эпос. М. : Лабиринт, 1999.
6. Мелетинский Е.М. Герой волшебной сказки. Происхождение образа. М. : Восточная литература, 1958. EDN: WZEKXP

7. Мелетинский Е.М. Палеоазиатский миф и эпос. М. : Наука, 1979.
8. Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. М. : Наука, 1976. EDN: WZEKXF
9. Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб. : Искусство-СПБ, 2000.
10. Лотман Ю.М. Культура и взрывы. М. : Гнозис, 1992.
11. Фрейденберг О.М. Миф и литература древности. М. : Восточная литература, 1978.
12. Фрейденберг О.М. Поэтика сюжета и жанра. М. : Лабиринт, 1997. EDN: QZNKEL
13. Аникин В.П. Русская народная сказка. М. : Просвещение, 1977.
14. Аникин В.П. Теория фольклора. М. : КДУ, 1996.
15. Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. М. : Наука, 1979.
16. Хайдеггер М. Письмо о гуманизме // Время и бытие / пер. с нем. В.В. Бибихина. М. : Республика, 1993. С. 192–221.
17. Богатырев П.Г., Якобсон Р.О. Фольклор как особая форма творчества // Вопросы народного творчества. М. : Искусство, 1971. С. 369–383.
18. Богданов К.А. Прецедентные тексты в современном фольклоре. Режим доступа: <https://www.ruthenia.ru/folklore/bogdanov1.htm> (дата обращения: 21.04.2025).
19. Аникин В.П. Русское устное народное творчество. М. : Высш. шк., 2004.
20. Юнг К.Г. Душа и миф: шесть архетипов / пер. с англ. К. : Государственная библиотека Украины для юношества, 1996.
21. Лотман Ю.М. Об искусстве: структура художественного текста. Семиотика кино и проблемы киноэстетики. Статьи. Заметки. Выступления (1962–1993). СПб. : Искусство-СПб, 2005.
22. Baum R. Verbal Art as Performance. Rowley : Newbury House, 1977.
23. Малиновский Б.К. Магия, наука и религия / пер. с англ. А.М. Хомика. М. : Академический проект, 2015.
24. Васильева Н.И. Фольклорные архетипы в современной массовой литературе: романы Дж.К. Роулинг и их интерпретация в молодежной субкультуре: дисс. ... канд. филол. н. Н. Новгород, 2005.
25. Гусев В.Е. Фольклор как универсальный тип субкультуры // В диапазоне гуманитарного знания. Сб. к 80-летию проф. М.С. Кагана. СПб. : Санкт-Петербургское философское общество, 2001. Вып. 4. С. 320–328.

References

1. Veselovsky, A.N. (1940). *Historical poetics*. Leningrad: Khudozhestvennaya literatura. (In Russ.).
2. Bakhtin, M.M. (1965). *The work of Francois Rabelais and the folk culture of the Middle Ages and Renaissance*. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. (In Russ.). EDN: VQMUOV
3. Propp, V.Ya. (1946). *The Historical Roots of Fairy Tale*. Leningrad: Izdatel'stvo LGU. (In Russ.).
4. Propp, V.Ya. (1928). *Morphology of the Folktale*. Leningrad: Academia. (In Russ.).
5. Propp, V.Ya. (1999). *Russkii geroicheskii epos*. Moscow: Labirint. (In Russ.).
6. Meletinsky, E.M. (1958). *The Hero of the Fairy Tale: the Origin of the Image*. Moscow: Vostochnaya literatura. (In Russ.). EDN: WZEKXP
7. Meletinsky, E.M. (1979). *Paleoaziatskii mif i epos*. Moscow: Nauka. (In Russ.).
8. Meletinsky, E.M. (1976). *The Poetics of Myth*. Moscow: Nauka. (In Russ.). EDN: WZEKXF
9. Lotman, Yu.M. (2000). *Semiosfera*. Saint-Petersburg: Iskusstvo-SPB. (In Russ.).
10. Lotman, Yu.M. (1992). *Culture and Explosion*. Moscow: Gnosis. (In Russ.).
11. Freidenberg, O.M. (1978). *Myth and Literature of Antiquity*. Moscow: Vostochnaya literatura. (In Russ.).
12. Freidenberg, O.M. (1997). *The Poetics of Plot and Genre*. Moscow: Labirint. (In Russ.). EDN: QZNKEL
13. Anikin, V.P. (1977). *Russian folk tale*. Moscow: Prosveshchenie. (In Russ.).

14. Anikin, V.P. (1996). *Theory of Folklore: A course of lectures*. Moscow: Publishing House KDU. (In Russ.).
15. Likhachev, D.S. (1979). *The Poetics of Early Russian Literature*. Moscow: Nauka. (In Russ.).
16. Heidegger, M. (1993). Der Brief Über den Humanismus. In: *Sein und Zeit* (pp. 192–221). Moscow: Respublika. (In Russ.).
17. Bogatyrev, P.G., & Yakobson, R.O. (1971). Folklore as a Special Form of Creation. In: *Issues of the Theory of Folk Art* (pp. 369–383). Moscow: Iskusstvo. (In Russ.).
18. Bogdanov, K.A. *Precedent Texts in Modern Folklore*. URL: <https://www.ruthenia.ru/folklore/bogdanov1.htm> (accessed: 21.04.2025). (In Russ.).
19. Anikin, V.P. (2004). *Russian oral Folk art*. Moscow: HSE Publ. (In Russ.).
20. Jung, K.G. (1996). *Soul and Myth. Six Archetypes*. Kyiv: State Library of Ukraine for Youth. (In Russ.).
21. Lotman, Yu.M. (2005). *Ob iskusstve: struktura khudozhestvennogo teksta. Semiotika kino i problemy kinoehstetiki. Stat'i. Zametki. Vystupleniya*. (1962–1993). Saint-Petersburg: Iskusstvo-SPB. (In Russ.).
22. Bauman, R. (1997). *Verbal Art as Performance*. Rowley: Newbury House.
23. Malinowski, B.K. (2015). *Magic, science and religion*. Moscow: Academic Project. (In Russ.).
24. Vasil'eva, N.I. (2005). *Fol'klornye arkhetipy v sovremennoy massovoy literature: roman Dzh.K. Rouling i ikh interpretatsiya v molodezhnoy subkul'ture* [PhD thesis]. N. Novgorod. (In Russ.).
25. Gusev, V.E. (2001). Fol'klor kak universal'nyy tip subkul'tury In: *V diapazone gumanitarnogo znaniya* (Iss. 4, pp. 320–328). Saint-Petersburg: Saint-Petersburg Philosophy Society publ. (In Russ.).

Сведения об авторе:

Конурбаев Салават Маркленович, аспирант кафедры английского языкознания филологического факультета, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (119991, ГСП-1, Российская Федерация, г. Москва, Ленинские горы, д. 11, стр. 51), преподаватель кафедры режиссуры кино и телевидения, Институт современного искусства (121108, Российская Федерация, г. Москва, ул. Ивана Франко, д. 4, корп. 15); *сфера научных интересов*: герменевтика художественной литературы, британский фольклор; *e-mail*: salavat@konurbaev.ru

ORCID: 0009-0009-0418-1113. SPIN-код: 2360-2517. AuthorID: 1292088.

Information about the author:

Salavat M. Konurbaev, Postgraduate student at the Department of English Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (51–1, Leninskie Gory, Moscow, Russian Federation, 119991), teacher at the Department of Film and Television Directing, Institute of Modern Art (4, bld. 15, Ivan Franko St., Moscow, Russian Federation, 121108); *Research interests*: hermeneutics of literary texts, British folklore; *e-mail*: salavat@konurbaev.ru
ORCID: 0009-0009-0418-1113, SPIN-code: 2360-2517, AuthorID: 1292088.